

Автор - Евгений Прудченко, Алматы (Казахстан).

Прогулка по берегу (Письмо нашедшему)

Ты – подберешь письмо. Я – твой покой нарушу.
Знаешь, приятного мало блуждать по пустым террасам.
Ветер терзает волны, а вместе с ними – душу.
Все здесь подвластно этим едким воздушным массам.

Мысль в голове одна: «как избежать простуды?»
Кажется, ты с океаном вместе в обнимку бредишь.
У водоемов, впрочем, тоже свои причуды.
Терция пролетит, – хлоп! – ты и не заметишь.

Просто по щелчку плыть и постигать погоду,
не ожидая большего, шторма или цунами;
что-то бормочешь тихо, и годы швыряешь в воду,
выбросил в воду, и их больше нет! – с концами.

Видимо, это дно. Даже Нептун с тобою

связь норовит наладить: степенно ласкает сушу
пена, а ты гадаешь – что с приливной волною,
вывернув океан, страх изрыгнет наружу?

Ветер терзает штиль. Засолонела кожа.
В саван живое тело полуденный бриз укутал.
Видишь останки тени? Значит и ты, похоже,
искренне заплутал. И части света спутал.

Может быть, плачешь, да – наверняка! от счастья
разъединенья с родиной, с Родиной – не с чужбиной.
Лишь обуздаешь слезы, станешь пустотной частью
времени, прошлого, окаменевшей тиной,

мусором волн, трухой; по существу – тщедушной
вещью, по коей разве что только Господь крушится.
Всё!.. извини сердешно, ты подобрал ракушку...
почерк не разберешь?.. Переверни страницу.

«Оставляю тебе неопознанный этот берег,
нет здесь Замков воздушных – выцветшее побережье.
Видишь свои следы? всё волна застелет,
ты здесь иссякнешь от... времени и безнадёжья».

К морю

Ветер ворвался в горницу, растеребил обою,
в воздухе завихрил, – странный, а все же танец.
Вот подытожу жизнь, и непременно – к морю...
кожу подзолотить! что ни на есть, а глянец.

Чинно отмерю день, даже еще поспорю
с происками Эвклида... или же Архимеда.
Прежде чем уезжать, не на чужбину – к морю,
следует попрощаться. С родиной. У соседа

(все, что когда-то взял – вроде давно забыто)
ключик оставлю свой... так, на пожарный случай:
кто-то придет сюда – ну а изба закрыта.
Ты ужпусти его, тесен порог, не мучай.

Может, чего забыл? а, ничего, я вспомню...
Значит, по стремени! И до последней капли.
Что там иссохший ствол не пожелает корню? –
пусть мне там будет, э-эх!.. в Сардинии. Или на Капри.

Старый сарай. Стоит. Вот возвернусь, отстрою
новый. Хоть с этим вся, в общем-то, жизнь прожита.
Как тут не помнить мне, разве забудешь... с тою,
что, уходя, штоф наш разбила. Квита!

Если б ни эти, странности, встал за нее горою.
Что еще делать, а? – в сумерках, в непогожий
вечер бездонный... Как!? двери я не открою:
грех то великий есть, гость, он посланец Божий.

Там вот, письмо, лежит... нет, не конверт... корыто.
Да! разбери в углу этих бутылок груду.
Ключик держи, придут, люди, а дверь закрыта;
им отвори, и пусть... гостем я сам и буду.

«Даже если ишак постучится в Трою,
накорми его, приюти, сосед.
Завтра я уезжаю, навеки, – к морю...
точно зная, что Моря в помине нет».

STEP BY STEP

Он шел. Один. Дорога в никуда
как будто еще связывала с прошлым
(в котором наступили холода).
Закатывая прошлое в подошвы,

он очень верил в то, что вот сейчас
его по имени (вот-вот!) окликнет кто-то:
Бог, родина, невеста, волопас...
Лишь горизонт, как Царские ворота,
был рад ему. Накладывало грим
на тело солнце. Беглый пилигрим

все ж оглянулся, дабы не забыть
откуда вышел, силился запомнить
дорогу, как связующую нить
с былым наследством. «Надо бы оформить».
Взглянув на мимолетный этот сон,
задумался на миг, – какой резон?

Вдруг встрепенулся, глядя в облака.
Груз памяти хотел скормить собакам.
Раскрыл котомку, вместо молока –
в бутылке оказалась пыль, однако.
Ни голод утолить, ни отдохнуть...

подошвы снова втапывали путь.

Палило солнце. Вспарывая степь
он шел. Один. Захлебываясь ветром.
Надсадно, точно трактор, step by step,
пространство разрезая метр за метром.
По пыльным руслам пересохших рек
он совершал из прошлого побег.

Степь накалилась что сковорода,
труп тучки разлагался в небосводе.
Он шел – из ниоткуда в никуда,
нашептывая что-то о свободе.

